

В определённом смысле отговорка с амнезией действительно прекрасно работала — никто даже не усомнился.

К тому же взгляд Тан Юэ был таким чистым, что агент каждый раз, собираясь допросить его подробнее, чувствовал себя палачом и в конце концов махнул рукой: «Ладно уж».

После этого весь коллектив стал относиться к Тан Юэ с особой заботой. Даже во время выездных мероприятий старшие коллеги обязаны были присматривать за самым юным участником группы.

В следующее мгновение Тан Юэ поднял голову из объятий Цзян Шулюя и с лёгким удивлением спросил:

— Тебе совсем не страшно?

— Я ведь инопланетянин.

— Нормальный человек на моём месте давно бы отправил меня в какой-нибудь исследовательский институт.

Цзян Шулюй рассмеялся, бережно взял лицо Тан Юэ в ладони и крепко прижался губами к его губам.

— Но ты же тот, кого я люблю. Почему мне должно быть страшно?

Цзян Шулюй всегда внушал ощущение глубокой надёжности — Тан Юэ это уже успел почувствовать ещё в составе группы. Просто раньше тревога неотступно следовала за ним, делая всё ощущение ускользающим, неосязаемым.

— Ийцзе тебе не рассказывала? — спросил Цзян Шулюй. — Бывали случаи, когда мужчины рожали детей.

Он немного помолчал и добавил:

— Ты хочешь, чтобы все знали, что Сяомье — наш общий ребёнок?

— Хочу, — ответил Тан Юэ. — Но боюсь, что в школе его будут дразнить и изолировать из-за этого.

Он не желал своему сыну пережить такое же серое, безрадостное подростковое время, какое пришлось ему самому. Даже сейчас, несмотря на счастье, воспоминания о прошлом вызывали

боль.

Но теперь этот пришелец с далёкой планеты обрёл плодородную почву — ту самую, где мог расти один, но в полной свободе и принятии. Здесь он мог кататься, как ему вздумается, без страха и стыда. Даже поцелуи здесь превращались в чистую, всепоглощающую любовь, заставляя его обнимать крепче.

— Ты так сильно держишься, — прошептал Цзян Шулюй, — мне чуть не хватает воздуха.

Тан Юэ придвинулся ближе:

— Тогда я передам тебе воздух.

Цзян Шулюй не удержался от смеха, положив подбородок на плечо Тан Юэ:

— Ты такой милый.

— Правда? — переспросил Тан Юэ. — Но многие говорят, что «милый» — это когда больше нечем похвалить.

Иногда он был удивительно серьёзен.

— Да, — согласился Цзян Шулюй. — Больше нечем похвалить.

Тан Юэ фыркнул пару раз, обиженно отпустил руки и будто собрался уйти. Но едва он повернулся, как его тут же обхватили сзади.

— Потому что ты слишком хорош, — сказал Цзян Шулюй, — и я не знаю, как...

— Как что? — нетерпеливо перебил Тан Юэ.

— ...ещё больше тебя любить.

Его слова исходили из самого сердца.

Даже сейчас, в этой тёмной улочке, где редкие огоньки напоминали те одинокие фонари, что освещали путь Цзян Шулюя в прошлом, — пути, ведущие к закрытию, подобно этому заброшенному переулку, обречённому на снос, — даже здесь он неожиданно обрёл самую яркую звезду на небе.

Она была так драгоценна, что он испытывал трепет — боялся, что недостаточно хорошо сумеет её беречь.

Тан Юэ не мог сдержать радости. Он протяжно «охнул», растягивая последний слог:

— Значит, у тебя, Шулюй-гэ, тоже есть то, чего ты не умеешь!

— Я думал, ты всё можешь.

— Выходит, наш капитан всё-таки не всемогущ.

— Я ведь не такой гений, как ты, — улыбнулся Цзян Шулюй.

— Если Эр Гэ услышит такие слова, точно отругает тебя, — возразил Тан Юэ.

— Пусть ругает, — отмахнулся Цзян Шулюй.

В следующее мгновение он указал на маленькую дверь во втором этаже рядом:

— Это место, где я жил.

В соседнем доме ещё кто-то обитал, поэтому горел тусклый свет, позволявший Тан Юэ разглядеть узкую лестницу, освещённую изнутри открытой дверью.

Здесь условия были явно плохие. А ведь прошло уже более двадцати лет — значит, двадцать лет назад всё было ещё хуже.

Тан Юэ, родом с планеты 9787, хоть и не пользовался чьей-либо симпатией, но благодаря родителям, работавшим на свалке, имел хотя бы отдельное пространство для жизни. Даже если еда была лишь имитацией вкуса, он всё равно не жил в такой нищете. Только что мимо второго этажа пробежал ребёнок с тазиком в руках, чтобы вылить воду в конце коридора.

А рядом стоял высокий, красивый, благородный мужчина — совершенно не похожий на тех, кто мог жить в таких условиях. И всё же Чжоу Чоу вырос именно здесь.

Цзян Шулюй уже собрался подняться вместе с Тан Юэ, но едва сделал полшага, как его за угол рубашки остановили.

Прекрасный юноша стоял, опустив голову, и с дрожью в голосе произнёс уменьшительное имя Цзян Шулюя.

Это имя знали Цзян Кайчэн и Чжу Цюнь, но никогда не называли вслух. Оно хранило в себе прошлое Цзян Шулюя — то, что должно было остаться неведомым никому, кроме него самого, и ту женщину, что давно исчезла в глубинах времени.

Но каждый раз, когда Тан Юэ произносил это имя, сердце Цзян Шулюя вздрагивало.

— Что случилось? — спросил он мягко.

Тан Юэ поднял глаза и внезапно обвил его шею так крепко, будто хотел задушить.

— Я... я... я не знаю, что сказать... Просто...

Он чуть не задохнулся от волнения.

Цзян Шулюй начал гладить его по спине:

— Ты такой плакса. Наверное, сегодня мне следовало остаться с тобой дома.

— Ни за что! — возразил Тан Юэ. — Я хочу знать то, чего не знают другие!

Слёзы капали ему за ухо Цзян Шулюя, заставляя того дрожать от ощущения этой безмерной любви.

Цзян Шулюй вновь ощутил с поразительной ясностью: его действительно любят.

Но Тан Юэ пробудил в нём все желания, которые день за днём, год за годом после их воссоединения пять лет назад только нарастали. Цзян Шулюй думал, что будет завоёвывать, но оказалось, что сердце Тан Юэ давно принадлежало ему целиком.

И даже сейчас, в эту минуту, Тан Юэ чувствовал его боль как свою собственную и сквозь всхлипы шептал с нежностью:

— Если ты не можешь плакать — не беда. Я могу заплакать за нас обоих.

Цзян Шулюй не успел ответить — сверху раздался женский крик:

— Кто там?! Неужели нельзя поесть вечером дома, а надо тут целоваться и ныть?!

— Вы что, с ума сошли?! Не понимаете, что мешаете людям?!

— Ещё немного — и вылью на вас воду!

Тан Юэ испуганно сглотнул икоту, а Цзян Шулюй тут же потянул его за руку. Они едва не споткнулись, врываясь в узкую дверь.

Датчик движения на лестнице был сломан, но всё равно издал противный скрежет, словно пытаясь поприветствовать гостей.

Единственным источником света служили окна на лестничной клетке — тусклые лучи ложились на ступени. Цзян Шулюй вёл Тан Юэ наверх, почти бегом.

Ступени были высокими, и уже на втором этаже Тан Юэ запыхался.

Цзян Шулюй достал ключи из кармана, одновременно включая фонарик на телефоне, чтобы рассмотреть замочную скважину, и поддразнил:

— Учитель Тан, у вас слабая выносливость.

— Ты просто слишком силён, — парировал Тан Юэ, включая фонарик на своём телефоне, чтобы осветить дорогу.

Он всегда умел возражать так, что получалось и логично, и с намёком на комплимент — вовсе не похоже на того «не очень умного», о котором ходили слухи в сети.

— А кто недавно жаловался, что «недостаточно больно»? — усмехнулся Цзян Шулюй, поворачивая ключ в замке.

Тан Юэ, держась за его рубашку, вошёл внутрь и пробормотал:

— Я быстро адаптируюсь. Тебе правда не стоит за меня волноваться.

Его голос звучал почти с гордостью:

— Я ведь инопланетянин. У нас, мужчин, всё устроено иначе... Можно сказать, у нас врождённые особенности.

Цзян Шулюй уже лично убедился, насколько «особенно» устроены инопланетяне.

— То есть хочешь попробовать что-нибудь новое? — спросил он с улыбкой.

— Мне даже не хочется больше сниматься в шоу, — честно признался Тан Юэ. — Там столько людей... Нельзя нормально поцеловаться.

Он был поразительно откровенен в своих желаниях — прямолинеен, как пламя.

— Я просто не смогу удержаться, чтобы не поцеловать тебя.

Цзян Шулюй включил свет и сказал:

— Всё равно все уже знают.

И добавил с лёгким кивком:

— Мне тоже трудно сдерживаться.

— Хотелось бы, чтобы ты целовался только со мной, — сказал Тан Юэ, оглядывая крошечную мансарду.

Здесь было так тесно, что даже столик приходилось раскладывать из подоконника. На стенах остались следы старых обоев и детские каракули.

— После того как меня забрали обратно в семью, маму, которая болела, тоже перевезли в больницу Цзян, — начал рассказывать Цзян Шулюй. — Эту квартиру потом сдавали внаём, менялось много жильцов. А в восемнадцать лет я выкупил её обратно.

Он снял белую ткань с деревянного стула, сел и протянул руки, приглашая Тан Юэ к себе.

Такое положение — когда один сидит, а другой устраивается у него на коленях — обычно встречается между взрослым и ребёнком, но между двумя взрослыми становилось невероятно интимным. Дыхание одного касалось уха другого, и каждое слово звучало как признание в любви.

Но содержание этих слов заставляло Тан Юэ страдать. Он не хотел сидеть спиной — он повернулся лицом к Цзян Шулюю, и тот без возражений позволил ему.

— А потом? — спросил Тан Юэ.

— Я купил её тайно, за спиной семьи Цзян, — ответил Цзян Шулюй. — Поэтому не мог приходить сюда открыто. Мог лишь иногда «случайно» проходить мимо и постоять у входа в переулок.

Он улыбнулся:

— Даже открыл там модное кофейное заведение — чтобы у меня был повод появляться в этом районе.

— Но ты совсем не похож на человека, который ходит в такие места, — заметил Тан Юэ.

— Зато я могу быть инвестором, верно?

Цзян Шулюй назвал название кофейни, и Тан Юэ наконец вспомнил: да, это действительно известное место. Он где-то мельком видел историю его основания — начиналось всё именно в старом районе.

Но Тан Юэ это не интересовало. Его волновал только человек перед ним.

Он не знал, стоит ли утешать, и просто обнял Цзян Шулюя за шею, чувствуя тепло его тела и эту неповторимую близость.

Над ними висела старая лампочка, а открытое окно не могло прогнать затхлый запах времени.

Бывший дом Цзян Шулюя давно утратил большинство следов, оставленных матерью и сыном. Лишь за старым шкафом сохранился плакат мужской группы начала двухтысячных, а на стене за дверью — неровные буквы, выцарапанные ключом. Они напоминали Цзян Шулюю одно:

«Ты действительно существовал».

Та часть его самого, которую он потерял, когда-то рассеялась по этим стенам, и он думал, что никогда её не вернёт. Но Тан Юэ нашёл её и вернул обратно.

— Ты плачешь? — тихо спросил Тан Юэ.

— Нет, — ответил Цзян Шулюй.

Тан Юэ попытался поднять голову, чтобы проверить, но Цзян Шулюй мягко прижал его обратно к себе.

— Ну и что такого?

— Можно мне поплакать? — спросил Цзян Шулюй.

Тан Юэ помолчал и сказал:

— Раньше, когда я видел, как ты стоишь на балконе и куришь, мне всегда казалось, что ты плачешь.

За окном завывал холодный ветер, заставляя рамы дрожать. Сердца обоих бушевали, вырывая наружу многолетнюю боль.

— Если быть Цзян Шулюем слишком тяжело, — сказал Тан Юэ, — будь моим Сяочоу. Или моим...

Он долго думал, а потом, слегка смутившись, выдал два слова:

— ...мужем.

— Разве так можно называть, если мы ещё не женаты? — усмехнулся Цзян Шулюй.

Но Тан Юэ всё же поднял глаза. В свете лампочки он увидел: глаза Цзян Шулюя действительно блестели от слёз — живые, настоящие, совсем не такие, как в книгах.

Перед ним был не персонаж, а его любимый человек — осязаемый, настоящий.

— Но у нас же уже есть ребёнок, — сказал Тан Юэ и нежно провёл ладонью по щеке Цзян Шулюя. — Если тебе стыдно плакать, я могу плакать вместе с тобой.

— Тогда мы будем смеяться вместе, — ответил Цзян Шулюй.

— Разве это плохо? — спросил Тан Юэ.

Цзян Шулюй кивнул. Тан Юэ не удержался и слегка покачал ногами — старый стул тут же заскрипел.

— Ой... — смутился Тан Юэ. — Звук какой-то странный...

Цзян Шулюй рассмеялся:

— У тебя богатое воображение.

Он вспомнил, как когда-то читал Тан Юэ на ночь сказки. Тогда он думал, что просто увидел в юноше обычную, человеческую сторону. Но оказалось, что сущность Тан Юэ — страстная,

горячая и искренняя.

— Это всё из-за романов? — спросил он с улыбкой. — Ты слишком много читаешь?

Тан Юэ уловил насмешку и фыркнул. В душе он подумал: «Именно потому, что я так много читал, я и получил тебя...»

Моего предопределённого возлюбленного.

<http://bllate.org/book/16057/1605960>